

ХРОНИКА

ДВЕ РЕЧИ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Отстранение, влечение и рациональность: действительно ли мы рациональные животные?

выступление в Гарварде 19 ноября 2006 года

Хьюберт Дрейфус

I. Введение

Я хотел бы рассмотреть концептуализм Джона Макдоуэлла в отношении деятельности, утверждающего, что люди — по своей сущности рациональные животные. Я ограничусь в своих замечаниях деятельностью, потому что вокруг заявления Макдоуэлла о концептуальном характере восприятия уже развернулись широкие дебаты, к субъекту деятельности он обратился лишь недавно, и об этом предмете написано пока мало.

Работы Макдоуэлла привлекают меня в силу того, что он развивает взгляды, сходные со взглядами Хайдеггера и Мерло-Понти. Как и Мерло-Понти он говорит:

Переживающий и действующий субъект... воплощён, субстанциально присутствует в мире, который он переживает и в котором действует¹.

Он созвучен и Хайдеггеру, когда говорит о «нашей непроблематичной открытости миру»² и о том, что «мы всегда-уже захвачены миром»³. Подобно этим экзистенциальным феноменологам, Макдоуэлл открыто заявляет, что «таково основание рефлексии, которая может прийти на смену устаревшей традиционной философии»⁴.

Однако в осуществлении своего проекта Макдоуэлл ограничился ресурсами того, что он называет традицией. Опираясь на Аристотеля, Канта и Гегеля, он отстаивает представление о том, что от прочих животных люди отличаются тем, что являются по

© H.L. Dreyfus. 2006.

© А.В. Дьяков, перевод, 2008.

Редакция благодарит профессора Х.И. Дрейфуса, любезно предоставившего текст своего выступления.

¹ McDowell J. *Mind and World*. Cambridge (MA): Harvard University Press. 1994. P. 111.

² *Ibid.* P. 155.

³ *Ibid.* P. 134.

⁴ *Ibid.* P. 111.

своей сущности животными рациональными, то есть способны отказаться от своих влечений в пользу рассудочных доводов, и, более того, человеческое восприятие и деятельность в целом следует понимать в свете этой рациональной природы.

Сегодня я постараюсь показать, что Макдоуэллу следует пойти дальше в своём отказе от традиции, что для понимания повседневной деятельности ему следует обратиться к прозрениям экзистенциальной феноменологии — новому пониманию открытости, мира и уникальности нашей до-концептуальной включённости в него.

II. Деятельность

Как и восприятие, которое, по Макдоуэллу, является «всецело»¹, как сказал бы он сам, концептуальным, вся человеческая деятельность концептуальна. В своей книге «Разум и Мир» он задаёт вопрос: Как наши телодвижения могут быть осмысленными действиями? И сам же отвечает:

Кант говорит: «Мысли без содержания пусты, интуиции без понятий слепы». Сходным образом... движения конечностей без понятий — простые случайности, а не проявления деятельности... Аналогично *интенциональные действия тела являются актуализациями нашей деятельной природы, неразрывно связанными с концептуальными способностями*².

Согласно Макдоуэллу, это значит, что «мы всегда можем спрашивать и отвечать на вопрос о том, почему». Действительно, по Макдоуэллу, способность отказываться от наших влечений и исследовать основания наших действий — сущностная особенность человека, отличающая нас от простых животных.

Конечно, когда мы действуем, мы обычно не размышляем. Макдоуэлл замечает, что «есть нечто, определяющее *способность* отстраниться. Если кто-то действительно от чего-то отстранился, это значит, что у него была возможность отстраниться». Но прежде всего, мы должны задаться вопросом о том, нет ли у нас возможности отстраниться даже тогда, когда мы этого не делаем, а также о том, какую роль играет эта возможность в нашей деятельности.

Когда мы заняты повседневной суетой, у нас вполне может быть возможность остановиться и поразмыслить, но мы не можем этого сделать, не прервав своих повседневных занятий. Нельзя отрицать, что, изучая нечто новое или пытаясь улучшить наши навыки, мы можем контролировать свою деятельность, продолжая выполнять её. Однако контроль за нашими действиями приводит в лучшем случае к сносной работе, и лишь после того, как мы откажемся от наблюдения за собственной деятельностью, к нам вернётся наше мастерство.

Самым ярким примером обратного отношения между рефлексией и мастерским действием может служить случай Чака Ноблача, бывшего вторым бейсменом у «New York Yankees». Ноблач был великолепен как инфилд, но однажды, вместо того, чтобы просто бросить мяч, он, по-видимому, отстранился от происходящего и стал размышлять о том, как бросить мяч, — как он выразился, о механике этого действия. (Как сказал бы Кант, он рассматривал своё мастерство как набор репрезентаций, свойственных для «я мыслю».) После этого он уже не мог вернуться к прежней неререфлексивной по-

¹ Ibid. P. 67.

² Ibid. P. 89-90. *Курсив мой* Х.Д.

глощённости и с тех пор бросал мяч беспорядочно, один раз даже в лицо зрителю. Его пытались перевести на дальнее поле, но это не помогло. Он уже не смог вернуться к спонтанности, к своей способности полностью погрузиться в игру, и в конце концов ему пришлось уйти из команды.

Ноблач, по-видимому, привык к броскам из первой позиции, однако он оказался в ситуации, когда не мог полностью включиться в игру и непосредственно реагировать на требования момента, а потому не мог реализовать своё мастерство. Следовательно, подчёркиваемая Макдоуэллом *способность* к рефлексии в отношении мастерской деятельности требует временного отказа от *способности* размышлять.

Однако должен ли Макдоуэлл отвечать на подобное возражение? Почему бы ему не сказать лишь: «Ну и что, что на деле отстранение ради критической рефлексии и руководства разумом ведёт к действиям, в лучшем случае сносным?». Тем не менее, мы — рациональные животные, определяемые нашей способностью отстраняться и размышлять над своими действиями, даже если мы не можем осуществлять эту способность, будучи поглощены деятельностью.

Согласно Макдоуэллу, действие пронизано рациональностью, если вы можете ретроспективно, не будучи принуждаемы к осмыслению своих действий, ясно сформулировать доводы в пользу этого действия. Он приводит остроумный пример нерелексивного действия, которое, тем не менее, является рациональным.

Взгляните на того, кто на перекрёстке сворачивает направо, потому что туда направлен указатель. Было бы нелепо утверждать, что поворот направо является рациональным ответом на указатель, это значило бы, что субъект подчиняется эксплицитной детерминации указателя, приводящего довод в пользу того, чтобы свернуть направо. Это значит лишь, что он поступает так, потому что (это «потому что» и вводит регистр рассудочности) указатель повёрнут вправо.

Это значит, что поворот направо оказывается рациональным ответом на предписание указателя, так что впоследствии человек может ответить на вопрос о том, почему он повернул именно направо: его ответ «потому, что указатель был повёрнут вправо» окажется вполне разумным. Ему незачем обращать внимание на доводы рассудка и выскидывать причину для поворота вправо.

А почему может свернуть вправо неразмывляющий бегун? Не потому ли, что он не будет размышлять над своими действиями, пронизанными концептуальностью? Макдоуэлл отвечает:

Концептуальная *возможность* для человека овладеть своими навыками позволяет нам приписывать ему представление о вещах, составляющее его сущность и *действующее* даже в его нерелексивных реакциях: реагировать на сигнал указателя, не размышляя, как на достаточное основание для того, чтобы свернуть вправо. Концептуальные возможности в смысле релевантности *работают* не только в размышлениях, но и в любой реакции на разумные доводы, независимо от того, принимают ли они эксплицитно форму умозаключений из посылок, формирующих убеждения или действия...¹

Разумное действие вовсе не предполагает размышления, является ли то или иное соображение достаточно рациональным основанием для того, что оно предписывает. Достаточно одной возможности.²

¹ Ibid. P. 5.

² Ibid. P. 3.

Необходимо отметить, что Макдоуэлл благоразумно избегает интеллектуалистско-когнитивистской ошибки и не прибегает к понятию сознательных или бессознательных ментальных операций для объяснения этих способностей. (Он не следует этой версии мифа о разуме, в чём я его некогда упрекал.) Мы согласны с тем, что разум, возможно, задействованный при обучении новому навыку или при тренировке, не играет никакой роли в самом мастерском действии. Когда человек становится в чём-либо искусным, он непосредственно открыт для ситуации и непосредственно действует так, как того требует ситуация¹. Многократно сталкиваясь с правосторонним указателем, человек развивает навык и реагирует на ситуацию немедленно и непосредственно: указатель *работает*, не требуя каких-либо ментальных *операций*. Таким образом, Макдоуэлл полагает, что для движения конечности требуется лишь концептуальная возможность «всецелой вовлечённости».

Но что это значит? Для критической оценки концептуализма Макдоуэлла нужно задаться вопросом: что же на самом деле происходит с мастером, дающим концептуальное объяснение своим действиям? Ответ можно получить, вернувшись к ответу бегуна о том, почему он свернул направо: «там был указатель "направо"». Судя по этому ответу, он, должно быть, заметил указатель. Всё, что нужно, по Макдоуэллу, для направления бега посредством задействования концептуальных способностей, это наличие указателя «направо» и реагирование в соответствии с его указанием.

Но значит ли это, что для рационального, т.е. концептуального, т.е. действенного управления бегуном нужен лишь указатель «направо», являющийся достаточным основанием? К сожалению, указатель — пример, вводящий в заблуждение. Он не является минимальным. Ведь это знак, который, как замечает Макдоуэлл, необходимо заметить и интерпретировать. Это вносит в действия бегуна нечто большее, нежели требуется, а потому не может служить примером чистой концептуальности.

Лучше обратиться к более чистому феномену шахматиста, уверенно делающего ход. Думаю, все, в том числе и Макдоуэлл, согласятся, что в обычной игре гроссмейстер, если он не сталкивается с проблемой, с которой не имел дела прежде, не рассуждает. Именно поэтому он или она может вести любое число партий одновременно². Ясно, что гроссмейстер непосредственно реагирует на ситуацию на доске. У него нет ни времени, ни нужды рефлексировать и рассуждать. Говорят, что когда Хозе Капабланку, одного из величайших гроссмейстеров всех времён, спросили, на сколько шагов вперёд он видит, он ответил: «Я вижу на один ход вперёд, но он всегда правильный».

Мастер никогда не сталкивается с такой ситуацией, с которой он не имел дело прежде и с которой никогда не встретится вновь. Таким образом, может показаться, что, как и в случае с бегуном, который сворачивает потому, что «там был указатель

¹ В целом такой нерелективный опыт является опытом «аффордантным», когда вещи мира «требуют» соответствующей деятельности. Я использую гештальтистский термин «требуют» (solicit) ради отсылки к данности феноменологии. Сказать, что мир требует определённой деятельности, — значит сказать, что деятель *чувствует себя непосредственно вовлечённым* в то или иное действие. Это вовсе не означает *решения* предпринять действие, поскольку в *ощущении своей непосредственной вовлечённости* в какое-либо действие нет никакого акта волеия. Скорее, человек переживает окружающую среду как *призывающую* к определённому действию, а своё тело — как отвечающее на призыв. Здесь нет никакой попытки вещи, а потому никакая вещь не несёт с собой понятия. Кроме того, нет никакого «Я». Вовлечённое в поток, тело человека существует лишь как отвечающее некоторой потребности.

² По-видимому, вслепую играть труднее. Рекордом является 45 партий (две проигранных). Возможно, это количество можно было бы увеличить, но игра вслепую в России была запрещена.

"направо"», шахматист должен реагировать на ситуацию как подпадающую под определённый *тип*, с которым он успешно справлялся прежде. Ему не нужно *распознавать* её или хотя бы *замечать* её как знакомую ситуацию; от него требуется *непосредственно ответить* на ситуацию как типическую, что требует определённого хода, даже если гроссмейстер не знает, почему он поступает именно так. В конце концов, должна существовать некоторая абстрактная ситуативная структура, определяющая именно этот ответ гроссмейстера и никакой другой. В противном случае, как ход гроссмейстера может быть рациональным действием?

Вопрос, таким образом, сводится к тому, существует ли в действительности некая абстрактная, всеобщая и типически воспроизводимая позиция, определяющая тип ответа. Не то, что (теперь мы возвращаемся к представлению Макдоуэлла о способностях) гроссмейстер *действительно* думает, но то, что он *мог бы* думать. Это похоже на случай с указателем. Указатель «направо» — это *тип*, предполагающий *типический* ответ, а значит, действие может быть концептуальным, т.е. осмысленным, даже если никто о нём не думает.

Но, как мы заметили, указатель — это частный случай, а в случае общем, по-видимому, задействована вовсе не та абстрактная пропозициональная структура, которая определяет тип реакции. Макдоуэлл не располагает аргументами (да и не нуждается в них), говорящими в пользу того, что в мастерское действие должны быть вовлечены понятия. В самом деле, Макдоуэлл отказывается от традиционного представления о том, что понятия должны носить всеобщий характер. В случае перцепции, утверждает он, понятия могут определяться ситуацией. Например, демонстративные суждения могут носить различную окрашенность. Не могут ли и основания действия быть демонстративными? Не может ли и мастер заявить: «поскольку я оказался в этой определённой ситуации, я сделал именно этот определённый ход», предполагая, что «этот» не сводится к типичным ситуации и ходу, но к конкретным ситуации и ответу?

Однако здесь возникает та же проблема, на которую Шон Келли указывал в отношении цвета. Может ли определённая ситуация на доске сама по себе стать причиной действия? Как утверждает Келли, существует склонность к определённому цвету, определяемому как «привлекательный». Аналогично, говоря о фигурах, занимающих те или иные клетки, именно те положения, которые остаются незанятыми, побуждают гроссмейстера сделать ход. В обоих случаях всё зависит от контекста. Расположение фигур на разных стадиях игры, характер противника и т.п. — всё это следует принять во внимание, обращаясь к *конкретной* ситуации. Тем не менее, как указывает в отношении восприятия Келли, даже если мы учтём, что *конкретный* ход сделан в конкретной игре с *конкретными* темпом и продолжительностью, стратегией и т.п., мы всё ещё не будем знать, что именно побудило гроссмейстера сделать именно такой ход. В конце концов, независимый наблюдатель может зафиксировать всё, что касается ситуации и её контекста, и тем не менее не иметь понятия о том, какой ход будет сделан. Что же ещё нужно?

Чтобы понять это, мы должны больше узнать о том способе, каким мастер, захваченный игрой, использует свои навыки. В этом отношении мы можем поучиться у Владимира Набокова. Как обстоятельно объясняет в «Защите Лужина» Набоков, шахматный мастер не рассматривает доску как пропозициональную структуру, будь то специфическую или контекстуальную. Будучи захвачен игрой, и лишь тогда, когда он захвачен, он видит «силовые линии». Играя вслепую, набоковский гроссмейстер видит:

...Тот или другой воображаемый квадрат занят определённой сосредоточенной силой, так что движение фигуры представлялось ему, как разряд, как удар, как молния, — и всё шахматное поле трепетало от напряжения, и над этим напряжением он властвовал, тут собирая, там освобождая электрическую силу¹.

Гроссмейстер испытывает толчки, утки, сопротивления, давления. Эти влечения и отталкивания невозможно свести к объективным фактам, характеризующим положение на доске и служащим причинами ходов, которые независимые наблюдатели станут изучать и критиковать. Их можно пережить, только если вы мастер и только если вы полностью включились в игру.

Но, возможно, это слишком поспешное заключение. Даже если мы примем набокскую феноменологию шахмат, объясняет ли это ход макдоуэлловского концептуалиста? Разве не может он, к примеру, сказать, что гроссмейстер, делая ход, основывается на том, что «необходимо закрыть брешь» или «следует занять позицию»? Но и такая стратегия не сработает. То, что составляет конкретную ситуацию, каждую минуту может измениться, даже если все фигуры остаются на месте. Это зависит, например, от стиля противника, который может перейти от навязанной ему обороны к наступлению, и эти перемены могут вызвать у гроссмейстера потребность перемещаться и отступать.

Мерло-Понти описывает сходную непрерывно меняющуюся расстановку сил в футболе:

Для игрока футбольное поле — не «объект». Оно расчерчено силовыми линиями (линиями разметки поля и теми, что обозначают «область пенальти») и разделено на секторы (например, «проходы» между противниками), которые требуют определённого образа действий. Само поле не дано [игроку], но представлено как имманентный термин его практических интенций; игрок оказывается с ним один на один и воспринимает «цель» непосредственно, как вертикальные и горизонтальные плоскости собственного тела... В этом сознании момента действует лишь диалектика обстановки и действия. *Каждый маневр, предпринятый игроком, изменяет характеристики поля и устанавливает новые силовые линии, среди которых, в свою очередь, разворачивается и ведёт к результату действие, вновь изменяя феноменальное поле*¹.

В силу темпорального аспекта игры никакая вневременная, дескриптивная, позиционная оценка ситуации не может охватить постоянно меняющиеся притяжения и отталкивания. Даже демонстративное указание на *этот момент* не в состоянии уловить поток игры, как бы мы ни пытались указать на «эту ситуацию *теперь*», поскольку основанием для действия игрока окажется пустой жест. Так почему же, если мы не можем уловить никаких определённых оснований для действия, должны мы полагать, что область полученного опытным путём навыка должна быть проникнута концептуальностью?

Напряжение нельзя *описать*, его можно лишь *почувствовать* как непосредственное побуждение к ответу. Это и есть то, что Мерло-Понти называет *мотивацией*, для которой нет ни повода, ни причины. Эти мотивации недоступны как доводы, над которыми размышляет мастер, они могут лишь непосредственно воплощаться в действии. Мерло-Понти называет действия, отвечающие этим мотивациям, *моторной интенциональностью*.

¹ Набоков В. Защита Лужина. Романы, рассказы. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1997. С. 63.

² Merleau-Ponty M. The Structure of Behavior, 1965. P. 168-169 (*Курсив мой.* - Х.Д.).

Таким образом, хотя и должна существовать суб-личностная *причинность* в сфере закономерных изменений в мозге мастера, которые, опираясь на полученный опыт, побуждают его совершать определённые телодвижения, эту причинность можно пережить лишь как *напряжение*, а не как причины или основания действия. Не может быть никаких *оснований* для того, чтобы сделать тот или иной шахматный ход, кроме того, который игрок считает необходимым. Конечно, игрок может давать объяснения вроде «я чувствовал, что должен сделать это» или «мне захотелось сделать так». Но такой ответ был бы слишком конкретным, чтобы можно было говорить о разумном основании. Как говорит Макдоуэлл по другому поводу, основания должны быть «рационально связанными с рефлексией, дающей основания говорить о разумности чего бы то ни было».

Важнее всего то, что ответ на мотивацию располагается вовсе не в мире пропозициональных структур; это *моторное интенциональное отношение* к миру пропозициональных структур (См. *Приложение*). Как только игрок отстраняется и пытается назвать то, что он только что пережил, «напряжённость» преобразуется в объект, а мотивационный характер теряется. Следовательно, феноменолог может говорить о мотивациях вообще, но не о каких-то конкретных. Когда Мерло-Понти пытается описать определённые мотивации, ему приходится прибегать к метафорам.

Что же тогда даёт концептуалисту право говорить о том, что в принятии игроком действия определяющую роль играют концептуальные способности? Всё, что мы можем утверждать феноменологически, это то, что игрок отвечает на изменения ситуации вовсе не абстрактно или демонстративно. Таким образом, вовлечённый в игру мастер отвечает на не-пропозициональные силы притяжения и отталкивания, структурирующие область навыка.

Конечно, это происходит не только на спортивных состязаниях. Поглощённый движением водитель может воспринимать то, что наблюдатели видят как светофор, переключающийся на жёлтый, как настоятельное требование трогаться или как напоминание о необходимости притормозить. Или, если взять другой пример с движением — дистанцию между автомобилями, — водителя из Нью-Йорка неодолимо тянет вклиниться в промежуток, тогда как водитель из Беркли ощущает потребность пропустить кого-нибудь вперёд.

Здесь не должно быть никакого ощущения напряжения. Напряжение возникает, если есть какая-либо соревновательность между побуждениями или ощущение неисполнения ожиданий. Тогда человек становится похож на пилота, отклонившегося от радиомаяка. Когда всё в порядке, пилот ничего не слышит, но когда он отклоняется от проложенного курса, он слышит сигнал, призывающий его на курс вернуться. Аналогично если что-то идёт не так, чувства игрока побуждают его изменить своё поведение. Если же всё идёт как ожидалось, он просто движется с потоком.

Мы постоянно ощущаем сигналы мира и отвечаем на них. Отшатываясь от «говорящего слишком близко», прыгая по ступеням, бросая конверт в почтовый ящик, мы не испытываем нужды задумываться о своих действиях, предоставляя действовать телу. Таким образом, реагируя на окружающую среду, человек просто признаёт её требования. Главная особенность непосредственных реакций в том, что они активируются лишь тогда, когда мы не помним о них. Если я пытаюсь выяснить, какое расстояние надо соблюдать во время диалога, я немедленно утрачиваю представление о том, о ка-

¹ I Two Sorts of Naturalism. P. 169.

ком расстоянии идёт речь. Когда Ноблач не мог перестать думать о механике броска, ему пришлось оставить бейсбол.

В общем, наши повседневные действия возможны именно благодаря нашей поглощённости повседневностью, характеристики которой постоянно меняются. Как выразился Хайдеггер,

прежде всего «дано»... «записываемое», «входящее и выходящее»... «сидение». Так что письмо, вход-и-выход, сидение и т.п. есть то, с чем мы *априорно* связаны.¹) то то, что мы узнаём, когда «осматриваемся».

Макдоуэлл полагает, что, поскольку мы по своей сущности рациональные животные, мы всегда способны рефлексировать и артикулировать причины наших действий. Однако вышеприведённые доводы показывают, что причины, к которым обращается Макдоуэлл, имеют характер нормативных сил, однако существует и иной тип нормативной силы — требования ситуации, к которым мы чувствительны, будучи вовлечены в неё, но которые мы совершенно утрачиваем, когда отстраняемся от своей вовлечённости и вопрошаем о причинах. Когда мы поглощены игрой, нет никаких причин, о которых мы могли бы вопрошать, и нет никакой гарантии, что мы сможем восстановить какие-либо неявные причины нашей деятельности *post factum*. А раз так, это значит, что большую часть времени мы не действуем как рациональные животные, а наши действия невозможно понять в свете нашей рациональной природы¹.

Философия по преимуществу интересуется двумя различными типами открытости миру — концептуальным и неконцептуальным. Концептуальный тип в своём чистом виде предполагает, что в противостоянии трудной ситуации человек отстраняется, моделирует своё действие, а затем даёт компетентный ответ. Но, будучи экспертом в той или иной области, человек отвечает на требования ситуации прямо и непосредственно.

Макдоуэлл останавливается на полпути к тому, чтобы стать экзистенциальным феноменологом, обходясь без внутренних ментальных операций. Но, придерживаясь сходных с кантовскими взглядов относительно того, что телодвижение должно быть всецело концептуальным, он всё ещё понимает *всё* действие, даже транспарентную игру, как пропозициональный ответ на пропозициональную структуру. Вспомним о том, чему учат нас экзистенциальные феноменологи: наш основной способ быть открытыми для окружающего мира сам по себе не имеет пропозициональной структуры; мы стремимся уменьшить напряжение в перцептуальном поле, а потому мир, которому мы открыты на элементарном уровне, не имеет пропозициональной структуры, но дан нам как подвижное поле влечений и отталкиваний, к которому мы причастны постольку, поскольку актуально вовлечены в игру с ним.

Ясно, что мы — животные, способные и к вовлечённости, и к отрешённости. Нет никаких оснований выбирать один из этих двух способов бытия в мире. Философия должна быть беспристрастна к обоим мирам и обоим видам открытости и выяснить,

¹ Нельзя отрицать того, что мы во многом отличаемся от животных: мы не поглощены своей окружающей средой, поскольку мы — животные, способные не только отстраниться от поглощённости ситуацией, но и, оставаясь поглощены ею, отвечать на другие ситуации в горизонте нашего настоящего. Кроме того, у нас есть язык, и я согласен с утверждением о том, что язык преобразует наш базовый способ взаимодействия с миром. Однако, по Макдоуэллу, язык скорее представляет собой биты ментального содержания, по своей природе уже неявно концептуальные.

каким образом неконцептуальный мир, открытый для поглощённости игрой с её правилами обосновывает нашу способность отстраняться и переживать мир концептуально.

Приложение

Миры отрешённости и поглощённости

Мерло-Понти и Макдоуэлл согласны в том, что мы непосредственно открыты миру. Однако они используют различные значения слова «мир» и коррелятивной ему открытости. Макдоуэлл мыслит мир в дескриптивных терминах, а нашу открытость понимает как своего рода его репрезентацию; Мерло-Понти, в отличие от него, мыслит мир в нормативных терминах, а нашу открытость ему рассматривает как отказ раствориться в нём.

Пропозициональное (Макдоуэлл)	Мотивационное (Мерло-Понти)
Мир	
Тотальность фактов, имеющих место	Смещение сети влечений и отталкиваний
Пропозициональные структуры	Побуждение к действию
Характеристики нашей открытости миру	
Непосредственная захваченность миром. Принятие суждений о том, что нечто имеет место. Наблюдение его.	Решение ответить на запрос определённым образом.
Способность отстраниться и критически осмыслить любое частное суждение о происходящем и любое основание для действий	Способность позволить миру поглотить себя для того, чтобы ответить на определённую констелляцию влечений и отталкиваний.
Уровень навыка	
Компетентность: ответ на общий тип ситуации.	Эксперт: ответ на уникальную изменяющуюся ситуацию.